

И. В. Гредина

АЛЬТЕРНАТИВНЫЕ ФИНАЛЫ РОМАНА Ч. ДИККЕНСА «БОЛЬШИЕ НАДЕЖДЫ» В АНГЛОЯЗЫЧНОЙ КРИТИКЕ

Рассматриваются основные тенденции развития англоязычного диккенсоведения относительно проблемы альтернативных финалов «Больших надежд» Ч. Диккенса. Существует два варианта финала: «правдивый», найденный в архиве писателя, и «счастливый», который Диккенс считал литературной условностью. В англоязычной критике прослеживаются разные мнения – некоторые диккенсоведы считают «правдивый конец» единственно возможным и находящимся в соответствии с темой крушения иллюзий; другие полагают, что «правдивый конец» не соответствует логике развития сюжета. Высказывается также мысль о равнозначности двух финалов. Несмотря на эти противоречивые концепции оба финала не отрицают друг друга, поскольку «счастливый конец» является романтической перефразировкой «правдивого». Перевод «правдивого конца» и его сопоставление со вторым вариантом финала способствует более глубокому воспроизведению художественного замысла Диккенса.

Ключевые слова: поздние романы Диккенса, англоязычная критика, «счастливый конец», перевод «правдивого конца», воспроизведение художественного замысла Диккенса, отсутствие триумфально счастливых концов, крушение иллюзий, смысловая равноценность альтернативных финалов, романтическая перефразировка «правдивого конца», логика развития сюжета.

Творчество позднего Диккенса отмечено усилением интереса к духовному миру человека, что обусловило эволюцию антропологизма писателя, усложнение его эстетики и поэтики, психологизма. Усложненность фабулы и многоплановость стиля поздних романов писателя предполагают отсутствие в них триумфально счастливых концов. Существуют два варианта финала знаменитого романа Ч. Диккенса «Большие надежды». Второй вариант финала, написанный под влиянием Бульвера Литтона, известен как «happy end» (*счастливый конец*) (курсив наш. – И. Г.). Первый вариант (The Original Ending of «Great Expectations») – трагический, так называемый «honest end» (*правдивый конец*) – (курсив наш. – И. Г.), в котором Пип навсегда разлучается с Эстеллой, не был опубликован при жизни Диккенса.

По словам Г. К. Честертона, Диккенс зашел так далеко в постижении темных сторон жизни, что хотел отказаться от счастливого конца, разлучив Пипа с Эстеллой, и только «упрямый романтик Бульвер Литтон разубедил его» [1, р. 150]. Сам Диккенс так описывает этот эпизод в письме к Форстеру от 1 июля 1861 г.: «You will be surprised to hear that I have changed the end of “Great Expectations” from and after Pip’s return to Joe’s and finding his little likeness there. Bulwer, who has been, as I think you know, extraordinarily taken with the book, so strongly urged it upon me, after reading the proofs, and supported his view with such good reason that I have resolved to make the change» («Сейчас я вас удивлю: я переделал конец „Больших надежд“ с того момента, где Пип, приехав к Джо, находит там своего маленького двойника. Бульвер (которому, как я вам, кажется, говорил, роман очень нравится) прочел роман в корректуре и так

убеждал меня и привел столь веские доводы, что я согласился»). Далее Диккенс добавляет: «I have put in a very pretty piece of writing, and I have no doubt that the story will be more acceptable through the alteration» («Я вставил премиленький кусок и не сомневаюсь, что благодаря изменению повесть будет более приемлемой») [1, р. 151].

Известно, что Диккенс поехал к Литтону в Херефордшир сразу после окончания «Больших надежд», чтобы показать роман. Бульвер Литтон прочел гранки последних глав и убедил Диккенса в том, что нужно смягчить конец, изменив судьбы Эстеллы и Пипа во избежание разочарования читателей, якобы не настроенных на драматический финал. Рассуждения Литтона показались Диккенсу логичными. Он переделал конец романа так, что «он смягчился подобно вечернему туману, описанием которого заканчивается роман» [2, р. 902]. Известный английский писатель П. Акройд полагает, что конец романа изменен «не из собственных побуждений» Диккенса, а «по настоянию Бульвера Литтона» [2, р. 903].

Возможность счастья в поздних романах приходит лишь после страдания или признания своей вины, счастье есть не что иное, как примирение с жизненной правдой. Известно, что Диккенс все же написал трагический вариант конца, в котором Пип навсегда разлучается с Эстеллой. Этот вариант финала («The Original Ending of “Great Expectations”») долго разыскивался в архивах писателя, и лишь в 1937 г. его удалось найти. Роман с двумя концами был издан Нью-Йоркским «Обществом редких изданий» («New York Rare Book Society») и затем несколько раз переиздавался. Причем особый интерес представляет издание с предисловием Джона Ирвинга «The King of the

Novel», в котором Ирвинг называет Диккенса «королем романа» [3]. По мнению Ирвинга, Пип – первый герой в творчестве позднего Диккенса, характер которого, не являясь «застывшим», способен «меняться медленно, но реально» [3, р. 19].

Момент изменения конца наметился в 59-й главе, сразу после слов: «Dear Pip... you are sure you don't fret for her?» – “I am sure and certain, Biddy” [3, р. 444] («Дорогой Пип», – сказала Бидди, – ты уверен, что не тоскуешь по ней больше? (курсив наш. – И. Г.). Затем последовал ответ Пипа: *Я вполне уверен, Бидди.*

Первоначально финал романа выглядел так:

«It was two years more before I saw herself. I had heard of her as leading a most unhappy life, and as being separated from her husband, who had used her with great cruelty, and who had become quite renowned as a compound of pride, brutality, and meanness. I had heard of the death of her husband from an accident consequent on ill-treating horse, and of her being married again to Shropshire doctor who, against his interest, had once very manfully interposed on an occasion when he was in professional attendance upon Mr. Drummle, and had witnessed some outrageous of her. I had heard that the Shropshire doctor was not rich, and they lived on her own personal fortune. I was in England again – in London, and walking along Piccadilly with little Pip – when a servant came running after me to ask would I step back to a lady in a carriage who wished to speak to me. It was a little pony carriage which the lady was driving, and the lady and I looked sadly on one another.

“I am greatly changed, I know, but I thought you would like to shake hands with Estella, too, Pip. Lift up that pretty child and let me kiss it.” (She supposed the child, I think, to be my child). I was very glad afterwards to have had the interview, for in her face and in her voice, and in her touch, she gave me the assurance that suffering had been stronger than Miss Havishem's teaching, and had given her a heart to understand what my heart used to be» [3, р. 453–454].

Однако ни в одном из русских переводов «Больших надежд» не был воспроизведен первоначальный конец, в связи с чем мы предлагаем вариант перевода *правдивого* конца:

Прошло еще два года, прежде чем я увидел ее. Я слышал, что она была очень несчастлива и рассталась со своим мужем, который обходился с ней очень жестоко и был известен как воплощение гордости, жестокости и низости. Я слышал, что ее муж погиб из-за несчастного случая, последовавшего в результате его зверского обращения с лошастью, и о том, что она снова вышла замуж за шропширского доктора, который, оказывая врачебные услуги м-ру Драммлу, однажды очень

мужественно вмешался в их семейный инцидент и засвидетельствовал его возмутительное обращение с женой. Я слышал, что шропширский доктор не был богат и они жили на ее состояние. Я снова был в Англии – в Лондоне – и прогуливался по Пикадилли с маленьким Пипом, когда ко мне подбежал слуга с просьбой подойти к даме в коляске, которая хочет поговорить со мной.

Это была маленькая коляска с пони, которым управляла леди.

Мы грустно взглянули друг на друга.

«Я знаю, я очень изменилась, но я подумала, что и вы захотите пожать руку Эстелле, Пип. Приподнимите этого прелестного ребенка и дайте мне поцеловать его!» (Очевидно, она подумала, что это мой ребенок). Впоследствии я был очень рад этой встрече, потому что ее лицо, голос и прикосновение убедили меня в том, что страдания оказались сильнее уроков мисс Хэвишэм, они научили ее сердце понимать то, чем жило мое сердце.

В англоязычной критике существуют различные мнения о двух альтернативных концах «Больших надежд». Так, американский диккенсовед Грэхам Смит полагает, что мотив крушения надежд распространяется на все сюжетные линии романа и оттенок грусти не устраняется даже изменением конца, поскольку *правдивый* конец предстает в воображении как *единственно возможный* («... the only possible ending is the honest one») [4, р. 179]. По мнению Х. М. Далески, исследование которого посвящено эволюции темы «больших надежд» в творчестве Диккенса, основу композиции составляют утраченные иллюзии, как бы сконцентрированные в образе Эстеллы. Поскольку Эстелла является самой несбыточной мечтой Пипа, то смысл «honest end» как раз и заключается в том, что Пип должен потерять Эстеллу как одну из своих иллюзий [5, р. 274].

П. Акройд считает *правдивый* конец *тоскливым и горьким*, но находящимся, тем не менее, в полном соответствии с общим тоном романа и с темой крушения иллюзий («a lonely, poignant ending which is perfectly in accordance with the whole tone and theme of the novel and expectations crash») [2, р. 901]. Совсем иное мнение высказывает Д. Ирвинг, отмечая, что «honest end» совершенно не соответствует развитию сюжета и не является характерным для творчества позднего Диккенса. Называя в своем предисловии «Большие надежды» романом с самым совершенным сюжетом из всех написанных на английском языке (курсив наш. – И. Г.) («the most perfectly worked out plot for a novel in the English language»), Ирвинг полагает, что главное заключается в том, что Пип и Эстелла остаются вместе, поскольку они принадлежат друг другу ду-

ховно и в том, и в другом варианте конца («The point is, Estella and Pip are linked, they belong to each other spiritually happily or unhappily») [3, p. 20].

Любовь Пипа всегда была составной частью его надежд; Эстелла существует для него как символ, как вымышленный образ, и тем самым Пип, согласно логике развития внутреннего сюжета, обречен на разочарование. Однако вполне вероятно, что Диккенс считал второй вариант конца также вполне логичным с точки зрения развития внутреннего сюжета: ведь Пип, хотя и имеет теперь все, что он хотел, но не таким блестящим, как он ожидал, и, следовательно, оба конца не отрицают друг друга.

Во втором варианте роман заканчивается многозначной амальгамой тумана и света: «I took her hand in mine, and we went out of the ruined place, and as the morning mists had risen long ago when I first left the forge, so the evening mists were risen now, and in all the broad expanse of tranquil light they showed to me, I saw no shadow of another parting from her» [3, p. 451]. («Я взял ее за руку, и мы пошли прочь от мрачных развалин, и так же, как давно, когда я покидал кузницу, утренний туман поднимался к небу, так теперь уплывал вверх вечерний туман, и широкие просторы, залитые спокойным светом луны, расстились перед нами, не омраченные тенью новой разлуки») [6, с. 513].

И эта неясность, двусмысленность, которая передается через настойчиво повторяющийся на протяжении всего повествования образ туманов и болот, как символ упадка и краха иллюзий, вполне соответствует логике сюжета: ведь и второй, *счастливый*, конец оставляет открытыми многие вопросы, и он вовсе не исключает того, что у Пипа впереди еще много разочарований.

На этот альтернативный *счастливый* конец в англоязычной критике было обращено достаточно большое внимание. Так, известный диккенсовед Росс Дабни считает его «большой ошибкой». Образно сравнивая второй конец с «заплатой», Дабни называет его надуманным, а соединение Пипа с Эстеллой – «сентиментальным жестом» («The patched-on second ending is a great mistake, and their marriage is pointless, purely a sentimental gesture»). С точки зрения Дабни, второй конец является «амбивалентным и двусмысленным» («ambivalent and ambiguous»), поскольку он дает повод для двух предположений, не соответствующих логике развития сюжета. Первое: сбывается самая неосуществимая мечта Пипа – он соединяется с Эстеллой; и второе – Диккенс выделяет Эстеллу, которая является составной частью «больших надежд», из всех «блестящих видов на будущее». Более того, второй конец противоречит, по мнению Р. Дабни, тем жизненным урокам, которые получил Пип

на примере мисс Хэвишэм, сосредоточившейся только на своем горе: «...нельзя вернуться назад и начать жизнь сначала» [7, p. 285].

А. Д. Кохшат объясняет «happy end» приверженностью Диккенса к «счастливым концам» и считает его «воплощением стремления Диккенса к добру». Второй вариант конца представляется этому исследователю весьма двусмысленным, поскольку, с его точки зрения, соединение Пипа с Эстеллой в измененном варианте конца является искусственным и не придает развязке оптимизма. По мнению Кохшата, Пип лишь примиряется с крушением своих иллюзий; будучи неспособным сохранить гармонию между свободой и уверенностью, он так и не обретает того «благородства и светскости», которые привлекали его в Эстелле, он любит и любим таким же «несовершенным существом», как и он сам» [8, p. 242].

Один из биографов Диккенса Эдгар Джонсон в монографии «Чарльз Диккенс. Его трагедия и триумф» называет «Большие надежды» «самым совершенным из всех романов Диккенса», за исключением второго конца, который является, по мнению критика, «искажением всего содержания». «Измененный конец», пишет критик, «отражает лишь отчаянную надежду, которую Диккенс не мог изгнать из своего сердца» («The changed ending reflected a desperate hope that Dickens could not banish from within his own heart») [9, p. 240].

Неординарное решение проблемы альтернативных концов предлагает известный диккенсовед Мильтон Мильхаузер, по мнению которого «Большие надежды» – самый необычный роман Диккенса, представляющий три конца внутри двух последних глав («the most unusual novel that offers the reader a series of three consecutive endings within two last chapters»): первый связан с завершением сюжета («thematic resolution»), второй – с определением жизненного статуса Пипа («determination of the hero's status») и третий – представляет не что иное, как «романтическую развязку отношений Эстеллы и Пипа» («romantic encounter»), причем именно в третьем конце критик предполагает два варианта: «unhappy» и «happy». В статье «Great Expectations. The Three Endings» («Большие надежды. Три конца») критик ставит задачу «найти реальный конец» («to look for the real ending») [10, p. 268].

Первый конец М. Мильхаузер ассоциирует с моментом возвращения Пипа в кузницу (по мнению критика, он наметился в гл. 58 сразу после восклицания Бидди: «It's my wedding-day, cried Biddy, in a burst of happiness, and I am married to Joe!» [3, p. 445] («Сегодня день моей свадьбы! – воскликнула Бидди, захлебываясь от счастья. – Я вышла замуж за Джо!»)). Мильхаузер полагает, что сюжет здесь получил свое окончательное развитие: Пип после

перенесенных страданий обретает мудрость и возвращается домой, где он находит Бидди в качестве «скромной компенсации» за Эстеллу, в кругу «уже менее блестящих видов на будущее» («as a modest compensation for the lost Estella in the world of reduced expectations») [10, p. 275].

Второй конец, по мнению исследователя, связан с периодом жизни Пипа в Каире. Карьера Пипа завершена в социальном и экономическом аспектах; главный герой находит свое место в обществе и спустя одиннадцать лет вновь возвращается в кузницу, – и здесь опять сюжетные линии романа достигли своего завершения. Согласно рассуждениям Мильхаузера, тема романа исчерпана («the inner and the outer actions of the novel have both reached completion, thematically the book is over») [10, p. 276], и Диккенсу лишь остается сделать развязку любовной истории главных героев.

Называя «третий конец» – «Post Scriptum», английский литературовед доказывает, что именно этот конец связан с основной функцией образа Эстеллы, являющегося символом самой несбыточной надежды. В первом варианте третьего конца («unhappy end») Эстелла смягчилась благодаря страданиям («Estella softened and humanized by suffering»), во втором варианте («happy end») Эстелла изображена как возлюбленная, друг и жена Пипа («She is depicted as Pip's sweetheart, friend and wife»). Критик называет оба варианта третьего конца «поверхностными» («perfunctory») и *не отражающими основной идеи произведения* («no one of which adequately solves the idea of the novel») [10, p. 279].

Основная проблема романа разрешилась, когда главный герой определяет свое место в жизни. Исследователь связывает «реальный» конец произведения с моментом повторного возвращения Пипа в кузницу. С целью подтверждения своей концепции критик приводит выдержки из авторского плана последней части «Больших надежд», найденные в архиве писателя [10, p. 280], подчеркивая при этом, что «счастливый» конец даже не упоминается в плане романа. Более того, в плане подчеркивается, что в конце Пип становится клерком и «единственное положительное», чего он добился, – это благосостояние; лишь это «надежно и приносит плоды» [10, p. 281]. Известно, что Диккенс составил этот план последних глав сразу перед последним выпуском «Больших надежд» в своем журнале «All the Year Round» [10, p. 282], и это позволяет предположить, что и сам Диккенс воспринимал *счастливый* конец как литературную условность, не опровергавшую горьких истин, высказанных в этом романе.

Некоторые исследователи высказывают мысль о смысловой равноценности альтернативных кон-

цов. Так, П. Акройд полагает, что «Большие надежды» как с первым, так и со вторым вариантом конца – это всего лишь *элегия безнадежного стремления к любви* («lamenting the hopeless search for love») [2, p. 858]. Э. Уилсон отмечает, что в этом произведении постоянно ощущается *метафизический аспект: все надежды тщетны*, и высказывает мысль о том, что этот *самый мягкий роман Диккенса завершается как в первом, так и в окончательном варианте на какой-то неясной ноте* [11, p. 279]. Д. Ирвинг, рассматривая *счастливый* конец как «романтическую перефразировку» первого, не отрицает присутствия в «happy end» надежды на то, что «Эстелла может измениться», надежды, являющейся *стержнем всего произведения* («Estella might change – is the culmination of the hope that abides throughout the novel»).

Что касается русской рецепции творчества позднего Диккенса, факт обнаружения архивного финала не остался незамеченным русской публикой, проявлявшей неизменный интерес к поздним романам английского писателя. О найденном в архиве Диккенса первоначальном варианте окончания романа сообщалось в журнале «Интернациональная литература» за 1937 г. в статье анонимного автора «Несчастный конец „Больших ожиданий“», помещенной в разделе «Хроника» [12].

В измененном конце произведения проявляется новая трактовка характера Пипа, мотивы разочарования, скепсиса и пессимизма сменяются оптимистической струей: пройдя через горнило испытаний и отказавшись от благ мирских, герой находит утешение в осуществлении своей главной мечты.

Во втором варианте конца вечерний туман рассеивается, когда Пип, отказавшись от «блестящих видов на будущее», соединяется с Эстеллой. Духовное возрождение Пипа является глубокой мотивировкой его примирения с крушением иллюзий. Именно «счастливый конец», со всеми его логическими противоречиями, вселяет уверенность в том, что Пип, многому научившись на своих ошибках, становится гуманнее, и эта трогательная нелогичность, являясь отражением единственной сбывшейся во всем романе мечты, вполне соответствует логике развития позднего Диккенса [13, с. 51].

В позднем творчестве Диккенса наблюдается тенденция к возрождению счастливых концовок, хотя в этом отношении поздние романы нельзя отождествлять с ранними из-за изменившегося мировоззрения писателя, который далеко отошел от прежнего оптимизма. Эволюция Диккенса идет по линии все более глубокого осмысления жизни человека и соответственно усложнения психологии и судьбы персонажей.

Итак, на основе анализа исследований проблемы альтернативных финалов англоязычными дик-

кеноведами можно сделать вывод о том, что, несмотря на их противоречивые концепции, оба финала, являясь открытыми, не отрицают друг друга. *Правдивый конец* имеет смысл, поскольку Пип должен потерять Эстеллу как одну из своих иллюзий. Перевод *правдивого конца* позволяет воспроизвести картину творческого процесса позднего Диккенса.

Список литературы

1. Chesterton G. K. *Appreciations and Criticism of the Works of Charles Dickens*. N. Y.: Dutton, 1911. 571 p.
2. Ackroyd P. *Dickens*. N. Y.: Harper Collins Publisher, 1992. 1150 p.
3. Dickens Ch. *Great Expectations* (With an Introduction by John Irving). NY.; Toronto; L.; Sydney; Auckland: Bantam Books. 1988, 451 p.
4. Smith G. *Dickens. Money and Society*. Berkley and Los Angeles: University of California Press, 1968. Pp. 173–189.
5. Daleski H. M. *Dickens and the Art of Analogy*. L.: Faber and Faber, 1970. 371 p.
6. Диккенс Ч. Большие надежды // Собр. соч. в 30 томах / пер. М. Ф. Лорие. М.: Худ. лит., 1960. Т. 23. 514 с.
7. Dabney Ross H. *Love and Property in the Novels of Dickens*. Berkeley and Los Angeles, 1967. 365 p.
8. Cochshut. A. D. *Great Expectations. The Imaginations of Charles Dickens*. L., 1961. 254 p.
9. Jonson E. *Charles Dickens. His Tragedy and Triumph*. N. Y.: Simon and Shuster, 1952. 350 p.
10. Milhauser M. *Great expectations. The three endings* // *Dickens Study Annual*. Southern Illinois University Press. London and Amsterdam, 1983. P. 275–282.
11. Wilson A. *The World of Charles Dickens*. L., 1973. 379 p.
12. Несчастный конец «Больших ожиданий» Диккенса // *Интернациональная лит.* 1937. № 10. С. 242.
13. Гредина И. В. Восприятие позднего творчества Диккенса в России. 1860–90-е гг. Томск: ТПУ, 2002. 420 с.

Гредина И. В., кандидат филологических наук, доцент.

Национальный исследовательский Томский политехнический университет.

Пр. Ленина, 30, Томск, Россия, 634050.

E-mail: Gredina@rambler.ru

Материал поступил в редакцию 27.03.2014.

I. V. Gredina

ALTERNATIVE ENDINGS OF DICKENS'S NOVEL "GREAT EXPECTATIONS" IN ENGLISH AND AMERICAN CRITICISM.

The article deals with the main trends in the studies of the English and American Dickensian scholars concerning the problem of alternative endings in the novel "Great Expectations". There are two variants of endings "truthful end" found in Dickens's archives and "happy" one which Dickens considered as symbolic. English and American Dickensian scholars have different opinions on two endings: some scholars believe "truthful end" is the only possible one, and is in accordance with the theme of expectations crash, another scientists consider that the "truthful" end does not solve the plot development. There is the idea of both endings identity. Despite this controversial concepts both endings are in accordance with each other because "happy end" is the romantic paraphrase of the "truthful" one. The translation of the "truthful end" and it's comparison with the "happy end" contributes to reconstructing of Dickens's artistic intentions.

Key words: *the later Dickens' novels, the English criticism, "happy ending", translation of the "truthful end", reconstructions of Dickens's artistic intentions, the lack of triumphant happy endings, disillusionment, semantic equivalence of alternative endings, romantic paraphrase of the "truthful end", the logic of the plot's development.*

References

1. Chesterton G. K. *Appreciations and Criticism of the Works of Charles Dickens*. New York: Dutton Publ., 1911. 571 p.
2. Ackroyd P. *Dickens*. New York: Harper Collins Publ., 1992. 1150 p.
3. Dickens Ch. *Great Expectations* (With an Introduction by John Irving). New York; Toronto; London; Sydney; Auckland: Bantam Books Publ., 1988, 451 p.
4. Smith G. *Dickens. Money and Society*. Berkley and Los Angeles: University of California Press Publ. 1968. P. 173–189.
5. Daleski H. M. *Dickens and the Art of Analogy*. London: Faber and Faber Publ., 1970. 371p.
6. *The Complete Collection of the Works of Dickens* (the translation by M. F. Lorie). 30 vols. Moscow, Khudozhestvennaya Literatura Publ., 1960, vol. 23, p. 514 (in Russian).
7. Dabney Ross H. *Love and Property in the Novels of Dickens*. Berkeley and Los Angeles, 1967. 365 p.

8. Cochshut A. D. *Great Expectations. The Imaginations of Charles Dickens*. London, 1961. 254 p.
9. Jonson E. *Charles Dickens. His Tragedy and Triumph*. New York, Simon and Shuster Publ., 1952. 350 p.
10. Milhauser M. Great Expectations. The Three Endings. *Dickens Study Annual*. Southern Illinois University Press. London and Amsterdam, 1983, pp. 275–282.
11. Wilson A. *The World of Charles Dickens*. London, 1973. 379 p.
12. “The Honest end” of “Great Expectations” by Ch. Dickens. *International Literature*, 1937, no. 10, p. 242 (in Russian).
13. Gredina I. V. *The Reception of Later Dickens’s Novels in Russia. 1860–1890*. Tomsk, TPU Publ., 2001. 420 p. (in Russian).

National Research Tomsk Polytechnic University.

Pr. Lenina, 30, Tomsk, Russia, 634050.

E-mail: gredina@rambler.ru